

УДК 343.1

DOI 10.17223/23088451/5/10

А.В. Пилюк

О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ЛИЦ, ЗАКЛЮЧИВШИХ ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ СО СЛЕДСТВИЕМ

Раскрывается процессуальный статус лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и дающего показания в отношении своих соучастников (действительных либо предполагаемых). Такое лицо является по основному делу, рассматриваемому в отношении иных лиц, свидетелем. Для допустимости его показаний такого свидетеля следует предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, предварительное следствие, сделка о признании вины, прокурор.

С момента введения в УПК РФ главы 40.1 УПК РФ в научной среде дискутируются многие положения, касающиеся заключения и использования досудебного соглашения о сотрудничестве. В частности, в последнее время все больше вопросов вызывает процессуальный статус лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и дающего показания в отношении его соучастников (действительных либо предполагаемых). В литературе высказаны даже мнения, что такое лицо является по основному делу, рассматриваемому в отношении иных лиц, свидетелем, для допустимости показаний которого его следует предупреждать об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний [1, с. 14–15].

Как известно, до конца XVII – начала XIX века господствовала теория «формальных доказательств», возникшая, как считается, в Англии и Франции, получившая детализацию в Германских государствах и применявшаяся в России вплоть до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Теория подразделяла все доказательства на совершенные и несовершенные, полные (*plena probatio*), менее полные (*minus plena probatio*), более чем наполовину полные (*semi plena major*), менее чем наполовину полные (*sime plena minor*); причем несколько неполных доказательств могли составить одно полное [2, с. 181–182, 267; 3, с. 200]. При этом законодателем устанавливались не только виды различных доказательств, но и заранее определялось, какую силу имеет то или иное обстоятельство, при каких условиях и как именно оно должно быть истолковано и оценено судом.

Согласно Свода законов Российской империи 1857 г., в котором и были закреплены основные положения формальной теории доказательств, совершенными доказательствами виновности считались такие, которые исключали «всякую возможность к показанию невинности подсудимого» (ст. 305 Свода законов). В числе совершенных доказательств в Своде указывалось, помимо прочих, «собственное признание» подсудимого (*regina pro-bationum*), со

времен Екатерины II, по её выражению, считавшееся «лучшим свидетельством всего света» (ст. 316 Свода), а также письменные доказательства совершенного преступления, выполненные обвиняемым (ст. 324 Свода). Несовершенными доказательствами признавались те, которые «не исключали возможности к показанию невинности подсудимого» (ст. 307 Свода), к ним относился, помимо иных, и оговор подсудимым (обвиняемым) другого обвиняемого (ст. 336 Свода) [4].

Оговор, то есть показание на иное лицо, таким образом, еще в XIX веке в России считался «несовершенным» доказательством, то есть доказательством, которое давало основание лишь подозревать лицо в преступлении. Не все просто было и с «совершенным доказательством» – признанием вины. Собственное признание считалось совершенным доказательством лишь при наличии четырех условий: «добровольности учинения признания», «учинения признания в судебном листе перед судьей», «совершенного сходства признания с происшедшим действием» и, наконец, «когда показаны притом также обстоятельства действия, по которым о достоверности и истине оно сомневаться невозможно». Признание вне суда считалось недействительным, будучи подтвержденным даже двумя свидетелями, в присутствии которых обвиняемый признавал себя виновным, оно считалось лишь «половинным доказательством». При этом сила свидетельских показаний ставилась в зависимость от двух обстоятельств: а) достоин ли свидетель доверия и б) является ли показание «присяжным» (данное под присягой). Кроме того, свидетелей должно было быть, как минимум, двое и они должны были являться посторонними, незаинтересованными лицами (ст. 316–317 Свода) [4].

При разработке Устава уголовного судопроизводства 1864 г. комиссией, образованной для его подготовки, в Устав предполагалось внести в качестве его составной части «Инструкцию о силе доказательств», однако она, как известно, в окончательную редакцию не вошла. Согласно п. 6 Инструкции,

«собственное признание подсудимого не принимается в уважение: а) когда оно несогласно с обстоятельствами дела; б) когда оно вынуждено насильем, угрозами, обещаниями, ухищрениями и тому подобными мерами» [5, с. 131–132].

И.Я. Фойницкий в своем фундаментальном «Курсе уголовного судопроизводства» отмечал, что в «доустановный» период возведение признания подсудимого на степень главенствующего доказательства основывалось на том, что считалось неестественным, чтобы человек вопреки правде делал невыгодные для себя разоблачения. Он указывал, что, «как показывает опыт, в пользу достоверности признания можно привести только эту презумпцию, которая далеко не устраняет необходимости доказывания самого события, удостоверяемого признанием, судебная практика богата многочисленными примерами неверных признаний, объясняемых различными причинами. Так, прежде всего ложные признания даются подсудимым под влиянием принуждения, давления... которое может привести его к неверному признанию, благодаря тягостному положению его на предварительном следствии» [2, с. 268].

Еще более осторожно И.Я. Фойницкий призывал относиться к оговору, рекомендуя обращать тщательное внимание на то, «не заинтересован ли сам подсудимый в том, чтобы его оговор был принят, т.е. не делается ли он для самооправдания и сваливания вины на другого; и в этих случаях нередко, чем такой оговор полнее и убедительнее, тем он более возбуждает подозрения». Автор, не поддерживая высказывавшихся в то время предложений убрать оговор из числа доказательств, указывал, что такие показания должны подтверждаться другими обстоятельствами дела и выдерживать объективную поверку; иначе их надо отвергнуть [2, с. 269–270]. Анализируя личностные характеристики свидетеля и подсудимого, он ввел термин «подозрительные доказательства», к которым относил, помимо прочего, показания заинтересованных свидетелей и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности [2, с. 254].

Приметой нашего времени, вошедшей чуть ли не в «правила хорошего тона», является апелляция к опыту т.н. «развитых государств». Однако в законодательных актах, которыми руководствуются, например, правоприменители в США, нам ни разу не встретилось положения, согласно которому льгота по наказанию обуславливалась бы дачей обвиняемым, с которым заключается сделка, каких-либо показаний, избобличающих иных лиц, например соучастников преступления. Думается, происходит это потому, что имеется очевидная принципиальная разница между обвиняемым и свидетелем. В США свидетель традиционно считается предвзятым, а его «пристрастие и предубежденность» считаются уста-

новленными, если он: а) платный осведомитель правоохранительных органов; б) обвиняемый; в) получил какие-либо привилегии от стороны; г) ему было обещано сокращение срока наказания» [6, с. 114–115]. При таком подходе включение в соглашение условия дать показания в отношении иных лиц неизбежно даст возможность стороне защиты в дальнейшем утверждать о принуждении лица к свидетельству, причем такому, которое выгодно обвинителю, то есть дающему серьезные сомнения в его объективности.

Серьезную пищу для российских законодателей и правоприменителей дает и позиция ЕСПЧ по данному вопросу. В частности, в п. 102 Постановления ЕСПЧ по делу «Владимир Романов против РФ» (жалоба № 41461/02) от 24.07.2008 г. отмечено, что «положение сообщников при даче показаний отличается от положения обычных свидетелей. Они не дают показаний под присягой, то есть правдивость их сведений не имеет никаких гарантий, позволяющих привлечь их к ответственности за умышленную дачу ложных показаний». В Постановлении по делу «М.Н. против Соединенного Королевства» (жалоба № 28572/95) от 17.01.1997 г. судом было указано на порочность положения, при котором один обвиняемый свидетельствует против другого, так как это делает несправедливым судебное разбирательство в отношении последнего. В Постановлении по делу «Карпенко против Российской Федерации» от 13 марта 2012 г. суд пришел к выводу, что показания лиц, которые являлись обвиняемыми, не могли иметь значения (быть положены в основу обвинительного приговора) для осуждения другого обвиняемого.

Как известно, ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, позиционирующей себя как правовое, демократическое государство, предоставляет каждому право защищать права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Таким образом, дача ложных показаний может расцениваться как один из способов защиты, так как никто и никогда не обязывал подсудимого (обвиняемого) говорить только правду, никакой ответственности за дачу ложных показаний для такого лица, в отличие от свидетеля, Уголовный кодекс РФ, и это правильно, не предусматривает. Обвиняемому, заключившему сделку и давшему ложные показания в отношении других лиц, в самом худшем случае (заведомость ложных сведений ведь тоже надо доказать) грозит в соответствии со ст. 317.8 УПК РФ лишь пересмотр судебного решения. Известно, что согласно ч. 2 ст. 77 УК РФ признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. «Указание» на вину иного человека, как представляется, еще менее ценно.

Ответим на простой вопрос: зачем органу расследования и прокурору нужна помощь лица, обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления, в изобличении иных лиц? Ответ, в общих чертах, как представляется, также прост: доказательств их вины недостаточно для преследования в обычном порядке и без такой помощи выполнение органами расследования своих прямых обязанностей представляется им затруднительным. Если же лицо не может сообщить ничего интересного для правоохранительных органов, заключение соглашения с ним, как указано в приказе Генеральной прокуратуры № 107 от 15 марта 2010 г., бесперспективно и, следовательно, нежелательно.

Заметим, что вопрос о статусе «сотрудничающего лица» во многом явился порождением требования п. 4 абз.1 ст. 154 УПК РФ о выделении в отдельное производство уголовных дел в отношении таких лиц.

Большинство опрошенных нами практических работников не видит смысла в выделении дела в отношении лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство. Так считают 87, 7 % опрошенных судей, 93, 69 % прокуроров и 84, 18 % защитников. При этом около 95 % опрошенных среди всех субъектов судопроизводства не знают и не слышали о случаях угроз, насилия и т.д. в отношении лиц, с которыми заключены соглашения о сотрудничестве, а также не видят смысла в хранении каких-либо документов по уголовному делу в отдельном конверте, так как все предполагаемые соучастники преступления и все лица, которые сотрудничают со следствием, хорошо известны и их соучастникам, и их родственникам. Наиболее частая реакция на заключение сделки – не угрозы и не действия по нейтрализации сотрудничающего, а подача аналогичного ходатайства соучастника с просьбой заключить сделку также и с ним. Представляется, что и предварительное следствие, и судебное разбирательство при едином расследовании и одномоментном рассмотрении дела позволяют установить роль каждого из соучастников точнее и полнее, чем при выделении дел. Напротив, выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего соглашение о сотрудничестве и рассмотрение его раздельно с уголовным делом по обвинению иных лиц, способствует возникновению множества коллизий и сложностей.

Так, Нефтеюганским городским судом ХМАО-Югры в 2014 г. были оправданы Б. и К., обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 и 5 ст. 33 и п.п. «а» и «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ и ч. 4 ст. 159 УК РФ. При этом их предполагаемые соучастники И. и М., с которым было заключено соглашение о сотрудничестве, в 2013 г. были признаны виновными в совершении тех же деяний и осуждены Урайским городским судом. Нефтеюганский город-

ской суд, вынося оправдательный приговор в отношении Б. и К., указал, что ими представлены доказательства их невиновности (в суд представлены свидетели, документы и т.д.), тогда как показания И. и М. никакими иными доказательствами не подтверждены и являются голословными [7, 8]. Заметим, что подсудимый Б. являлся довольно квалифицированным адвокатом и нельзя исключать, что если бы на скамье подсудимых оказался другой гражданин, не способный представить «доказательства невиновности», результат процесса мог оказаться иным.

Хотя подобных вышеизложенному примеров пока не очень много, но именно из-за них, как представляется, в настоящее время формируется позиция Верховного Суда РФ, выражаемая пока в виде устных рекомендаций руководителям судов производить рассмотрение выделенных в порядке п. 4 абз.1 ст. 154 УПК РФ дел после того, как будут рассмотрены «основные дела»¹. Представляется, указанная мера позволит частично снять рост числа отказов от своих показаний сотрудничающими со следствием лицами, не получившими то наказание, на которое они рассчитывали, при рассмотрении дел в отношении их подельников, однако принципиально она ничего не изменит и не сделает показаний лиц, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, более достоверными. Кроме того, очевидно, что даже при одновременном поступлении в суд двух дел – выделенного в отношении сотрудничающего и основного в отношении его соучастников, выделенное дело всегда рассматривается быстрее в силу того, что приговор выносится без исследования доказательств, в особом порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, то есть реального механизма реализации даваемых судьям указаний мы не видим.

Подводя итог, укажем, что, по-нашему мнению, обвиняемый никогда и ни при каких обстоятельствах не должен быть приравнен к свидетелю, процессуальный статус данных участников уголовного судопроизводства отличается принципиально и кардинально. Показания лица, сотрудничающего с органами расследования, несмотря на то, что прокурор, направляя дело в суд, как и предусмотрено УПК РФ, «удостоверил» их «последовательность и правдивость», обязательно должны подтверждаться совокупностью иных доказательств, свидетельствующих о несомненной виновности соучастников преступления. При этом очевидно, что если одно лицо (либо ряд лиц, с которыми заключено соглашение) дает показания в отношении другого и иных доказательств виновности нет, основывать приговор на подобных доказательствах недопустимо.

¹ Подобная рекомендация судьям, рассматривающим дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ, была дана, в частности, заместителем председателя Верховного Суда В.А. Давыдовым на научно-практической конференции судей Уральского Федерального округа в Екатеринбурге 30.03.2015 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрикова М.Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: автореф. дис... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс Уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
3. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Типография А.П. Поплавского, 1910. 448 с.
4. Свод законов Российской империи. Книга вторая. СПб.: Русское Книжное товарищество «Деятель», 1912. Компакт-диск [Электронный ресурс]. Консультант Плюс, 2008.
5. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000. 464 с.
6. "Federal Criminal Code and Rules" Federal Rules of Criminal Procedure for the United States District Courts. West Group, St. Paul, Minn, 1998. 560 p.
7. Архив Нефтеюганского городского суда. Уголовное дело № 1-1/14.
8. Архив Урайского городского суда. Уголовные дела № 1-273/13 и 1-274/13.

ON THE PROCEDURAL STATUS OF PERSONS WHO HAVE ENTERED INTO A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH THE INVESTIGATION

Russian Journal of Criminal Law, 2015, 1(5), 56–59. DOI 10.17223/23088451/5/10

Piyuk Aleksey V. Megion City Court (Megion, Russian Federation). E-mail: avaleks2@yandex.ru

Keywords: pre-trial cooperation agreement, preliminary investigation, plea bargain, witness.

Since the introduction of Article 40.1 into the Russian Federation Code of Criminal Procedure, the scientific community has debated many of the provisions on entering and using a pre-trial cooperation agreement. In particular, in recent years there has been a question on the procedural status of the person who has entered into a cooperation agreement and is testifying against his/her accomplices (real or contemplated). There are opinions that such a person is a witness in the case against other persons, and, for the competence of his/her testimony, s/he should be warned about criminal liability for refusal to testify and for perjury.

Part 2 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation grants everyone the right to protect their rights and freedoms by all means not prohibited by law. Thus, perjury can be regarded as one of the ways of protection, since no one has ever obliged the defendant (accused) to tell the truth. The Criminal Code of the Russian Federation, and it is right, does not provide liability for giving false testimony for the defendant, yet it does for the witness. In the worst case (the deliberate character of false information must first be proved), the accused who entered into a cooperation agreement and gave false testimony against others faces only a review of judgment in accordance with Art. 317.8 of the RF Code of Criminal Procedure. It is well known that according to Pt. 2 of Art. 77 of the RF Criminal Code, confession of guilt in committing a crime can be made the basis of an indictment only if the guilt is confirmed by the available evidence in a criminal case. "Pointing" at the guilt of another person appears to be even less valuable.

REFERENCES

1. Kubrikova M.E. *Aktual'nye voprosy instituta dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve* [Topical issues of the institute of pre-trial agreement on cooperation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk: South Ural State University.
2. Foynitskiy I.Ya. (1996) *Kurs Ugolovnogo sudoproizvodstva* [The course of criminal proceedings]. V. 2. St. Petersburg: AL'FA.
3. Dukhovskoy M.V. (1910) *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow: Tipografiya A.P. Poplavskogo.
4. Konsul'tant Plyus. (2008). *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Laws of the Russian Empire]. Book 2. [CD-ROM] St. Petersburg: Russkoe Knizhnoe tovarishchestvo "Deyatel'".
5. Vladimirov L.E. (2000) *Uchenie ob ugolovnykh dokazatel'stvakh* [The doctrine of criminal evidence]. Tula: Avtograf.
6. West Group. (1998) *Federal Criminal Code and Rules*. St. Paul, Minn.: International Thomson Publishing Services Ltd.
7. The Archive of Nefteyugansk City Court. Criminal case no. 1-1/14. (In Russian).
8. The Archive of Urai City Court. Criminal cases no. 1-273/13, 1-274/13. (In Russian).